

ЧАСТЬ I

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЕРЛИН

ГЛАВА I

*Начало мая 1944 года.
Новая стратегия*

Майский воздух был прозрачен и свеж как никогда. Небо — сплошная синева. Именно такую погоду предпочитал Адольф Гитлер, утверждая, что она благотворно действует на его общее состояние.

Пребывая в Оберхофе, рейхсканцлер традиционно после обеда в сопровождении адъютантов и приближенных направлялся к павильону «Моослендеркопф», с лужайки которого открывался прекрасный вид на островерхую гряду гор. Именно там он писал свои этюды, раздаривая их в подарок ближайшему окружению, или мог просто посидеть на террасе, наслаждаясь чашкой черного кофе.

До начала прогулки оставалось пятнадцать минут. В это самое время вся местность вокруг тропы обследовалась сотрудниками СД с собаками на случай возможного проникновения в резиденцию канцлера диверсантов.

Адольф Гитлер не любил менять заведенный распорядок и мог отказаться от прогулки лишь только в том случае, если погода была по-настоящему скверной. Особенно не нравился ему дождь, но вот зато холод, как типичный житель Альп, он переносил легко и даже предпочитал свежий задорный морозец.

Глянув в окно, штурмбаннфюрер СС Линге¹ увидел, что из замка уже вышел бригаденфюрер СС Раттенхубер² и, заложив руки за спину, стал дожидаться появления фюрера. А это означало, что местность, где будет прогуливаться рейхсканцлер, уже была тщательно проверена, а на всем протяжении пути расставлены посты (тщательно замаскированные разросшимися по обе стороны тропы кустами, они совершенно не были приметны снаружи).

Сюда же, на площадку перед замком, подошел генерал-лейтенант Шмундт³, с которым Адольф Гитлер любил беседовать во время прогулки, доктор Морель⁴, а также женщины, которые неизменно составляли ему компанию во время обеда. После обеда дамы удалялись в свои

¹ Ординарец Гитлера.

² Руководитель собственной службы имперской безопасности, отвечавший за безопасность высшего руководства Рейха.

³ Генерал-лейтенант Рудольф Шмундт — начальник управления сухопутных войск.

⁴ Доктор Теодор Морель — лейб-врач Гитлера.

комнаты, где переодевались в одежды, подходящие для длительной прогулки на свежем воздухе. В этот раз в прогулке кроме самой Евы Браун¹, которая неизменно сопровождала Гитлера, принимала участие миловидная Каструп² и молодая экстравагантная австрийка Шенеман. Невероятная спорщица, импульсивная, она забавляла фюрера своим неумным темпераментом. В жарком споре с ней он даже на короткое время забывал о неблагоприятной обстановке на Восточном фронте.

Вскоре Адольф Гитлер вышел из замка в сопровождении одного из своих адъютантов, державшего в руках тарелку с мясом и большой костью. Обычно в это время он всегда кормил Блонди, и собака, зная о заведенном ритуале и о щедрости хозяина, всегда выходила фюреру навстречу, слегка помахивая хвостом. Никто не имел права прикасаться к собаке, кроме Гитлера, и уж тем более кормить ее. Подошедшая Блонди в ожидании уставилась на хозяина. Погладив овчарку по холке, Гитлер приказал:

— Сидеть.

Блонди охотно исполнила команду и села перед Гитлером, буравя его умными выразительными глазами. Взяв небольшой кусок мяса, он протянул его собаке и проговорил:

¹ С 28.04.1945 г. жена Адольфа Гитлера.

² Близкая подруга Евы Браун.

— Ешь.

Бережно, с аристократической аккуратностью, псина взяла из рук рейхсканцлера кусок, не дотрагиваясь до ладони. И без всякой спешки зажевала.

Адольф Гитлер любил кормить собаку, столь нехитрая забота о животном доставляла ему несказанное удовольствие. В эти минуты с его лица не сходила доброжелательная улыбка, и сам он как будто бы становился на несколько лет моложе. Даже со стороны было заметно, что общение с собакой доставляет фюреру громадное удовольствие.

Блонди не выпрашивала еды — не скулила и не подпрыгивала, вела себя весьма достойно, просто выразительно смотрела на Гитлера и смиренно дожидалась очередной порции. Взяв следующий кусок мяса, Гитлер протянул его овчарке. Блонди не спешила его брать и умело делала вид, что свежайший кусок мяса ей совершенно неинтересен. И только когда Гитлер произнес: «Ешь», овчарка столь же бережно взяла мясо и энергично его зажевала, разрезая мякоть острыми зубами.

Скармливая собаке мясо, Гитлер то и дело нахваливал собаку, отмечая ее выдержку и воспитание, чем вызывал улыбки у стоявших неподалеку Гретль, сестры Евы Браун, и Шенеман.

Скормив все мясо, фюрер вновь погладил Блонди. На тарелке оставалась кость, любимое

лакомство Блонди. Вполне достойный приз за примерное поведение. Однако собака никак не показывала свое нетерпение, оставаясь столь же невозмутимой, как и ранее.

Адольф Гитлер взял кость и некоторое время держал ее перед мордой собаки, проверяя ее выдержку. Блонди, глянув на хозяина, едва махнула хвостом, после чего демонстративно отвернулась.

— У нее прекрасное воспитание, — произнесла вышедшая из дома Ева Браун. — Она ничего не возьмет без спроса.

Погладив собаку по холке, Гитлер протянул ей кость, и овчарка осторожно вытянула ее из ладони хозяина, после чего отошла в сторону, легла на траву и, прижав кость лапами, принялась ее грызть.

Традиционная процедура кормления овчарки была завершена. Подошедший ординарец протянул фюреру фуражку с альпийской палкой. У фюрера было три любимых альпенштока. Два из них были в длину около двух метров, имеющих на конце стальные наконечники. Гитлер использовал их в том случае, когда намеревался совершить восхождение на гору. Третья альпийская палка была значительно короче, снабженная темляком. Она служила именно для таких неторопливых прогулок по склону.

В этот раз в компанию Гитлеру влился полковник Николаус фон Белов, служивший при Гитлере адъютантом от авиации. На прогулку

с Гитлером напрашивался генерал-полковник Эберхард фон Макензен, командующий четырнадцатой армией. Но Линге, отвечавший за благостное расположение фюрера, отказал, объяснив, что генерал может высказать свою точку зрения о происходящем на фронте на ближайшем вечернем совещании.

В последнее время дела генерал-полковника складывались не самым лучшим образом. В прошлом году он был назначен командующим четырнадцатой армией, располагавшейся в Италии, в которой когда-то начинал войну начальником штаба. В настоящее время американско-британские войска усиленно штурмовали линию Густава. Оборона прогибалась и растягивалась, наконец была прорвана, и через бреши на север, в сторону Рима, устремились американско-британские войска.

Генерал-полковник Эберхард фон Макензен уже не однажды писал в Генеральный штаб оперативные записки о том, что если не поступит пополнения в ближайшее время, то не останется возможности удерживать занятые позиции. И вот сейчас командующий четырнадцатой армией, не дожидаясь приглашения, решил приехать в Оберхоф лично, чтобы рассказать Гитлеру правду о военной обстановке, сложившейся на территории Италии.

Рейхсканцлер не желал его принимать, считая, что в такое трудное время командующий

должен находиться со своими войсками, и его надежда увидеть фюрера на вечернем заседании была крайне призрачна. Самое большее, на что он может рассчитывать, так это переговорить с командующим сухопутными войсками.

Но генерал-полковник был настолько толстокож, что не замечал вокруг себя безмолвного пространства. Похоже, что в связи с наступлением американско-британских войск он вообще не желал ничего замечать.

Возможно, появление Эберхарда фон Макензена в Оберхофе связано с личными обстоятельствами: генерал-полковник как-то хотел отсрочить свою близкую отставку, на чем настаивал Рудольф Шмундт, дважды заявляя на совещании о его неудачном командовании. Последнее слово оставалось за Гитлером, но фюрер по какой-то неведомой причине медлил, полагая, что ситуация в Италии еще как-то может улучшиться.

По широкой лестнице Адольф Гитлер вместе с сопровождающими направился к каменистой тропе, которая вела к выступу скалы, на которой размещался павильон «Моослендеркопф». Фюрер нередко использовал двадцатиминутную прогулку, чтобы обсудить с начальником управления сухопутных войск некоторые вопросы предстоящего совещания. На фронте наступило некоторое затишье, велась позиционная война. Вызывал беспокойство Крымский полуостров, где русским войскам удалось прорвать оборону

на Перекопском перешейке южнее Сиваша. Если ситуация будет и далее усугубляться, то у русских появится возможность вывести на оперативный простор танковый корпус.

Позади них, о чем-то переговариваясь, следовали Раттенхубер, начальник полицейской команды Хэгл и Линге. Ева Браун с фотографом Хофманом¹ и оператором Францем² замыкали группу. Из обрывков разговора было понятно, что Генрих Хофман не мог нарадоваться ясной погоде, ожидая, что снимет фюрера на фоне горных хребтов. Фотографирование у Хофманов было семейным делом, его отец имел собственное ателье и среди его клиентов были высокопоставленные особы и даже члены королевских фамилий. Он любил рассказывать о том, что однажды в молодости ассистировал в Висбаденском замке придворному фотографу Томасу Фойгту на фотосессии кайзера Вильгельма Второго³ по случаю его встречи с русским императором Николаем Вторым. Еще тогда он отметил, что глаза императора Николая Второго полны трагической грусти.

С Адольфом Гитлером фотограф Генрих Хофман познакомился еще в Мюнхене около сорока

¹ Генрих Хофман — близкий друг Адольфа Гитлера, его личный фотограф.

² Франц Вальтер — личный фотограф Гитлера; кинооператор и режиссер, продюсер.

³ Вильгельм Второй — последний германский император и король Пруссии.

лет назад, где они сблизились на поприще любви к художественному искусству. Оба мечтали стать художниками, однако не сложилось у обоих, хотя Генрих Хофман в отличие от Гитлера успел отучиться в художественной академии пару лет.

За время их знакомства Генрих Хофман запечатлел Гитлера на сотнях пленок и пластинок, лучшие фотографии из которых появлялись в дорогих альбомах; плакаты с его изображением были развешены на зданиях и в учреждениях. В Гитлера влюблялись сотни тысяч женщин Третьего рейха, увидев в нем мужчину своих девичьих грез, но по-настоящему фюрера никто не знал даже из самого ближнего его окружения. Для них он был фюрер и рейхсканцлер, для него — мечтательный юноша, бредивший о карьере художника, с которым он едва ли не ежедневно пил пиво и ел мюнхенские сосиски. Именно общее юношеское прошлое позволяло ему называть фюрера по имени.

Неожиданно Гитлер остановился и посмотрел на генерал-лейтенанта Шмундта. Начальник управления сухопутных войск приосанился и, слегка приподняв подбородок, посмотрел прямо в глаза Гитлеру. Выдержать пристальный взгляд фюрера было непросто, требовалась немалая внутренняя мобилизация, чтобы ни голосом, ни движением не выдать душевного трепета, охватившего его в эту минуту.

— Во всех войнах наши солдаты больше привыкли наступать, чем обороняться. А в нынеш-

ней войне мы не думали, что нам придется переходить к обороне. Однако пришлось... Наша задача заключается в том, чтобы удержать занятые территории во что бы то ни стало, — твердо произнес Адольф Гитлер.

— Мой фюрер, наши солдаты сделают все возможное, чтобы не только остаться на прежних позициях, но и перейти в ближайшее время в наступление.

— Это наши временные трудности. Я ни на миг не сомневаюсь в том, что мы пойдем дальше... В сорок первом русским удалось оттеснить наши войска под Москвой. Но нам удалось сдержать их наступление на довольно слабых опорных пунктах, усиленных лишь дотами. Они теряли живую силу, вооружение, технику, но не могли пройти дальше. Вспомните Демянск и Холм... Наши гарнизоны были полностью окружены, русские уже торжествовали победу, но сломить дух наших доблестных солдат им так и не удалось. Наши части прорвали кольцо и сумели удержать города... Но русские постоянно совершенствуются, сейчас их войска сражаются значительно лучше, чем в самом начале войны. Вы помните, что стало с нашими гарнизонами в Великих Луках и Погорелом Городище? — неожиданно спросил Адольф Гитлер.

— Гарнизоны оказались в окружении и, к сожалению, были разбиты, — отвечал генерал-лейтенант.

— А все потому, что они не придавали должного значения обороне. А в последние месяцы войска русских проявляют особую наступательную настырность. Мы должны любой ценой остановить русских. Для этого у нас есть все: передовая техника, отличное вооружение и, конечно же, наши доблестные солдаты, которые умеют прекрасно воевать... Чтобы воевать еще более успешно, мы должны будем усилить наши территории хорошо укрепленными опорными пунктами. Особое значение нужно будет уделять большим узловым центрам. Такие опорные пункты должны быть на каждой железной дороге, на каждом шоссе. На пересечении магистралей следует создать укрепленные опорные пункты с гарнизонами, складами вооружения и продовольствия, чтобы они могли как можно дольше противостоять русским. Оттянуть на себя их значительные силы, обескровить их и остановить наступление. Таких гарнизонов и опорных пунктов с полевыми укреплениями должно быть много. Войска русских должны увязнуть в нашей обороне. А когда это произойдет, то мы перейдем в наступление. Не будет ничего страшного, если наши гарнизоны окажутся временно в окружении, снабжать необходимым вооружением и продовольствием, а также производить эвакуацию раненых мы станем по воздуху. У нас лучшие летчики! Такая задача для них вполне по силам. Наше упрство сумеет помешать снабже-

нию атакующих частей русских, а гарнизоны, превратившиеся в крепости, оттянут на себя значительные их силы, чем еще больше затруднят их дальнейшее продвижение вглубь нашей территории. А когда войска русских будут истощены и обескровлены, то мы деблокируем все наши опорные пункты и перейдем в контрнаступление. Сегодня же на совещании мы обсудим более подробно новую стратегическую задачу. Надеюсь, что мне не придется спорить и мое предложение найдет поддержку у генералитета.

— Мой фюрер, вы предлагаете начать строительство опорных пунктов по всей территории сразу?

— Разумеется. Было бы лучше проводить строительные оборонительные работы по всем областям сразу, но в настоящее время у нас не найдется столько ресурсов. Я бы предложил начать построение опорных пунктов в Белоруссии, на пути вероятного наступления Красной Армии. И приступить к этому проекту следует сегодня же!

Сопровождающие фюрера также остановились, образовав две небольшие, оживленно разговаривающие группы. Никто не смел пройти вперед раньше фюрера, и все терпеливо дожидались, когда он пойдет дальше. Ева что-то энергично рассказывала Гофману, и тот, слегка наклонив голову, с интересом внимал возлюбленной Гитлера.

Жестковатые губы Гитлера заметно размякли, как только он перевел взгляд на свою подругу.

В этот момент он выглядел значительно моложе, в потускневших глазах появился юношеский блеск. А ведь именно Гофман познакомил его с Евой Браун, устроившейся ученицей в его ателье. В тот памятный вечер, случившийся пятнадцать лет назад, Гофман представил его как господина Вольфа. Но что-то подсказывало Гитлеру, что она сразу догадалась, кто он был на самом деле. Ведь первые портреты, появившиеся сразу после пивного путча, были сделаны именно в фотоателье Гофмана. Позже Адольфа Гитлера снимали и другие фотографы, но никто из них не удостоивался чести снимать его с близкого расстояния.

— Что ж, давайте перенесем нашу дискуссию на вечернее совещание, — заключил фюрер и, заложив руки за спину, уверенным и твердым шагом направился по тропе.

Павильон «Моосхендеркопф», построенный на самом выступе скалы, имел полукруглый фасад с большими окнами. С него открывался великолепный вид на близлежащие горы. Оперевшись на перила, Гитлер любил смотреть на горные вершины — зимой занесенные снегом, а вот летом радующие глаз, приодетые в свежую сочную зелень.

Адольф Гитлер подошел к скамейке, стоявшей подле ограждений павильона, и присел, откинувшись на спинку. Стараясь не показать сопровождающим скверного расположения духа,

он едва улыбался, поглядывая на горы. Было заметно прохладно, Николаус фон Белов зябко поежился, а Ева Браун накинула на плечи пуловер и потирала ладонями озябшие плечи.

Из павильона стремительно выбежали два черных шотландских терьера и устремились к сидящему на скамье Гитлеру. Сумрак, покрывший на какое-то время его лицо, отступил, теперь он выглядел именно таким, каким Ева увидела его во время их первой встречи.

— Ах вы, сорванцы! — вырвалось у Евы. — Бегут не к своей хозяйке, а к фюреру. Негус, Стаси, ну как вам не стыдно! Чего же вы хозяйку обижаете? — делано рассердилась женщина, сияя от счастья.

Настроение Гитлера сменилось на радужное, что не могло ее не радовать. В последние дни фюрер пребывал в скверном настроении, и требовалось немало усилий, чтобы как-то его подбодрить. На каждый ужин Ева старалась приглашать интересных людей, которые могли бы приободрить фюрера. Даже в обществе фрау Шенеман, известной своим венским темпераментом, способным расшевелить кого угодно, он оставался сумрачным, уходил куда-то глубоко в свои невеселые думы.

Шотландские терьеры доверчиво вертелись у ног рейхсканцлера, и он, явно получая удовольствие от такого непосредственного общения, поглаживал их курчавые спины.

— Получится замечательная фотография! — восторженно проговорила женщина. — Генрих, — обратилась она к Хофману, стоящему немного в стороне и о чем-то разговаривающему с Линге, — сфотографируйте, пожалуйста, фюрера вместе с терьерами.

Неожиданно Адольф Гитлер помрачнел и порывисто поднялся:

— Не нужно снимать. — Увидев потускневшее лицо Евы, осознавая, что сказанным причинил ей боль, примиряющим тоном продолжил: — Крупный государственный деятель не должен фотографироваться с маленькими собаками, это выглядит смешно. Если ты желаешь, так я могу сфотографироваться с Блонди. А давай лучше сфотографируемся вместе, ты будешь с Негусом, а я с Блонди.

Хорошенькое личико Евы вновь осветилось радостью. В сущности, как мало нужно для женщины, чтобы сделать ее счастливой: подобрать правильные слова, и она позабудет о недавней колкости.

— Это будет очень хорошая фотография, — заулыбалась Ева. — Иди ко мне, мой непослушный, — проговорила женщина, пристегнув к ошейнику собаки тонкий кожаный поводок.

Адольф Гитлер подозвал к себе Блонди, которая охотно, очевидно, рассчитывая на угощение, подбежала к хозяину. Гитлер потянул за поводок собаку и подошел к Еве.

— Генрих, сфотографируй нас на фоне гор.

— С удовольствием, сейчас очень хорошее солнце для снимка, — настраивая выдержку, проговорил Хофман. Ошибиться не хотелось. К своему внешнему виду Гитлер относился очень требовательно и заставлял фотографов удалять снимки, с его точки зрения, неудачные.

— А теперь улыбнитесь и не забывайте, что у вас впереди много счастливых дней!

Окончательно расслабляясь, позабыв о том, что его тревожило каких-то пятнадцать минут назад, Адольф Гитлер разлепил губы в сдержанной улыбке.

Прогулка к павильону обычно завершалась чашкой крепкого кофе с яблочным штруделем, до которого Гитлер был весьма охоч. Снаружи со смотровой площадки через большие стекла павильона можно было наблюдать, как внутри павильона ординарцы расстилают на столах белоснежные скатерти. В центр стола неизменно ставилась ваза с цветами, подле тарелок укладывались столовые приборы.

Поддавшись на уговоры Евы, Гитлер не спешил заходить в уютный теплый павильон, заполненный светом, и продолжал позировать Гофману, выбиравшему наиболее выигрышный ракурс.

Настроение у присутствующих было приподнятое. Во всяком случае, не каждый день можно было увидеть фюрера в столь благожелательном настроении. Неожиданно Гитлер подозвал к себе

ординарца, стоявшего у дверей в ожидании очередного распоряжения, и, протянув фуражку с альпийской палкой, направился в здание.

Обычно фюрер предпочитал сидеть у самого окна, с одной стороны которого была видна лужайка, огороженная перилами у самого обрыва, а с другой — живописная долина.

— Присядьте сюда, Линге, — предложил фюрер своему личному слуге.

Гейнц Линге немедленно присел на стул напротив и в ожидании смотрел на фюрера, понимая, что разговор пойдет о текущих делах. Сопровождающие Гитлера тактично расположились за соседними столами, чтобы не помешать разговору.

— Вы мне сказали, что у вас скопилась целая папка прошений солдат на брак с иностранками?

— Так точно, мой фюрер, — с готовностью отозвался Линге.

— Она сейчас при вас?

— Да, мой фюрер, — приподнял он кожаную папку, лежавшую на коленях.

Подошедший ординарец расторопно и очень умело, как проделал бы вышколенный баварский официант, расставил на столе чашки с кофе (очень крепкий черный для Гитлера и со сливками для камердинера), тарелки с булочками, в отдельной неглубокой посуде масло и мармелад. В большом блюде поставил перед Гитлером его любимый яблочный пирог.

— Вы положили в кофе шоколад? — неожиданно спросил Гитлер у ординарца.

— Да, мой фюрер, — охотно отвечал офицер. — Самый лучший, швейцарский.

— Как называется марка шоколада?

— «Херши».

— Эту марку в Швейцарии заказывают американцы для своих солдат. В Германии тоже делают хороший шоколад, — буркнул фюрер.

— Я могу заменить и положить наш шоколад, — с готовностью отозвался ординарец.

— Не нужно. Пусть останется. — Сделав небольшой глоток, одобрительно кивнул: — А кофе и в самом деле очень хорош.

Ординарец довольно улыбнулся — похвала рейхсканцлера была приятна.

— Рад, что вам понравилось, мой фюрер.

— Хм, а он сладкий... Сколько же вы сюда положили шоколада? — полюбопытствовал Адольф Гитлер.

— Половину плитки.

Покачав неодобрительно головой, Адольф Гитлер произнес:

— Вижу, что вы ничего не жалеете для своего фюрера. — Когда ординарец ушел, рейхсканцлер вновь обратился к камердинеру: — Так на чем мы с вами остановились?

— Вы спрашивали меня о прошениях наших солдат на брак с иностранками.

— Ах да... Вы как-то обмолвились, что таких прошений набралось уже около ста?

— Точно так, мой фюрер.

— Я бы хотел посмотреть эти прошения после того, как полакомлюсь вот этим восхитительным штруделем. Знаете, ведь австрийцы настоящие гурманы, только такая нация могла придумать штрудель. А какое у него тесто!

Отрезав небольшой кусочек пирога, Гитлер с большим аппетитом зажевал его. Обычно фюрер ел быстро. На завтрак уходило не более пяти минут, на обед поболее — целых двадцать. Но этот штрудель он ел медленно, никуда не торопясь, наслаждаясь процедурой поглощения.

Когда с кофе и со штруделем было покончено, не давая фюреру подняться, подскочил все тот же ординарец с блокнотом в руке и спросил:

— Мой фюрер, желаете сделать заказ на обед и ужин?

Адольф Гитлер всегда заказывал обед и ужин заранее, потому что просто не терпел ждать. Как правило, его обеденное меню не отличалось большим разнообразием, равнодушный к мясу, он мог заказать небольшой кусок рыбы или хорошо прожаренные баварские сосиски, а то и кнедлики с печеню и говяжьим бульоном. Поговаривали, что во времена молодости любимым его блюдом был фаршированный голубь.

Ординарец, застывший у стола с блокнотом в руках, ожидал, что Гитлер закажет нечто особенное, чем наверняка привел бы в неописуемый восторг шеф-повара. Уж слишком глубокомысленной выглядела пауза.

— Хорошо... Давайте приготовьте на обед гороховый суп с пармезанским сыром и омлет с цветной капустой.

— А на десерт? — быстро записал ординарец заказ, едва сдерживая разочарование.

— На десерт что-нибудь из австрийской кухни. Пусть будут сладкие пончики.

— А на ужин?

— На ужин что-нибудь овощное... Картошка с зелеными овощами. Я освобожусь не ранее восьми часов, так что будьте готовы.

— Я предупрежу на кухне, мой фюрер, — заверил ординарец и немедленно удалился.

За соседними столами, где расположилась Ева с фотографом Хофманом и оператором Францем, кофе был выпит, допивали его и офицеры во главе с генерал-лейтенантом Шмундтом. Никто никуда не спешил, все ждали Гитлера. Ева что-то энергично рассказывала Гофману о проказах шотландских терьеров, уверенно утверждая, что это самые умные собаки на свете. За другим столом солировал Николаус фон Белов, рассказывая о технических преимуществах немецких штурмующих бомбардировщиков над британскими самолетами. Адольф Гитлер всегда с некоторым недоверием относился к выходцам из аристократических фамилий, однако это обстоятельство не помешало фон Белову войти в ближайшее окружение фюрера. Рейхсканцлеру импонировали личные качества

Николауса, он считал его очень надежным человеком и поэтому доверял ему особые поручения.

— Линге, давайте пройдем в мой кабинет, и вы мне расскажете все поподробнее, — поднялся Гитлер.

— Мой фюрер, вы уже уходите? — с некоторым разочарованием спросила Ева Браун.

— Да, прекрасное дитя, мне нужно еще поработать. — В голосе Гитлера прозвучали отчетливо различимые нотки извинения, что не укрылось от присутствующих. Ева определенно имела влияние на Гитлера, между ними было нечто большее, чем обыкновенная привязанность.

— Возможно, что мне удастся закончить дела пораньше, и тогда я присоединюсь к вам, — сказал Гитлер и решительно зашагал в кабинет, располагавшийся за высокой дубовой дверью.

Нынешнее солнце было ярким. В кабинете Гитлера было светло и свежо. Гитлер всегда настаивал на том, чтобы его помещения тщательно проветривали. Расположившись за столом, рейхсканцлер потребовал:

— Ну что там у вас? Показывайте! Только не все сразу. Давайте для начала пару десятков.

Открыв кожаную папку, штурмбаннфюрер СС Гейнц Линге выложил двадцать прошений с сопутствующими документами, среди которых были биография просителя, подробнейшая справка о его невесте, сведения о родителях мо-

лодых, а также развернутая характеристика СД о политических взглядах членов семьи.

— Начнем с этого... Моряк Петер Курц. Вполне симпатичный парень. Настоящее арийское лицо. Кто у него невеста? Француженка Мадлен-Луиза Ру. Вы знаете, Линге, что Мадлен — это французская форма еврейского имени Магдалина, то есть жительницы города Магдалы? — неожиданно спросил фюрер, посмотрев на ординарца, стоявшего подле его стола.

— У меня были некоторые подозрения на этот счет, мой фюрер, — со всей серьезностью отвечал Линге. — Но вряд ли она еврейка. В этом случае ее место в лагере... Ни один солдат фюрера не захочет обременять себя браком с низшей расой. А потом в Париже, откуда она родом, очень энергичные службы СД, они не совершили бы такую промашку.

— Хотелось бы взглянуть на ее фото.

— Оно в отдельном конверте, — подсказал штурмбаннфюрер.

Взяв конверт, Гитлер вытряхнул из него на стол два снимка. Подняв один из них, Адольф Гитлер некоторое время рассматривал фотографию, как если бы в самом деле пытался уловить в ее внешности какие-то еврейские черты. Но с фотографии на него смотрела очаровательная толстуха со слегка вздернутым носом. Волосы, собранные в высокую копну и удерживаемые миниатюрной темной сеточкой, прикры-

вала небольшая шляпка, кокетливо сдвинутая набок.

— А знаете, как переводится ее фамилия? — неожиданно спросил Гитлер.

— Нет, мой фюрер.

— Рыжая! Мне приходилось бывать в Париже. И мне не чужды француженки... Одна из них учила меня французскому языку. Не хочу сказать, что я владею французским, но кое-что понимаю... Ее фамилия переводится как рыжая. А все эти рыжие женщины такие бестии! Неудивительно, что бедному морячку она вскружила голову. А кто он по званию? Фельдфебель... Какой у него героический вид. Ага, у него еще и награды имеются... А кто у невесты родители? — пролистал Адольф Гитлер сопровождающее письмо.

— От СД имеется на родителей характеристика.

— Вот, нашел... Придерживаются взглядов национал-социализма. Похвально. Это уже кое-что, — удовлетворенно протянул Гитлер. — А вы не находите, что нос у невесты нашего героя чем-то напоминает нос жены Мартина Бормана?

— Некоторое сходство имеется, мой фюрер, — с улыбкой вынужден был согласиться Линге. Фюрер всегда сравнивал невест военнослужащих со знакомыми ему дамами. Порой его наблюдения были весьма остроумны.

— Прощение подпишу, — заключил Гитлер. — Надеюсь, что моряк будет счастлив.

Выбрав следующее прошение, написанное синими чернилами и очень аккуратным почерком, от ротенфюрера 4-й добровольческой панцергренадерской бригады СС «Недерланд», воевавшего с партизанами Хорватии, фюрер тотчас углубился в чтение. Возлюбленная ротенфюрера была Шарлотта Бакер, работавшая парикмахером в военной части. К прошению, как того требовали правила, установленные военным командованием, были приложены две фотографии: одна в профиль до пояса, другая — в полный рост.

Адольф Гитлер любил рассматривать подобные фотографии, неизменно отмечая недостатки во внешности и изъяны фигуры. Но в этот раз он рассматривал снимки несколько дольше обычного.

— Линге, посмотрите, какой у нее подбородок. Вам не кажется, что он в точности такой же, как у подруги Евы Анны Дикер.

— Что-то такое есть, мой фюрер, — сдержанно согласился Линге.

Подобные прошения штурмбаннфюрер СС Линге приносил Гитлеру каждые две недели, особое значение он уделял фотографиям. Порой на их рассмотрение уходило времени гораздо больше, чем на утверждение некоторых военных операций.

— Что же он в ней нашел такого, что заставило его подать прошение на женитьбу? Обычная простушка, каковых в Нидерландах восемь-

десять процентов. А ведь сам он какой видный молодой человек! Любая немецкая девушка сочла бы за честь соединиться узами брака с таким бравым парнем. Вот через такие неравные браки и заносится в Германию неполноценная кровь. — Решительно отложив заявление в сторону, сказал: — Я не готов утвердить такой брак. Мне нужно подумать. Принесите это прошение мне как-нибудь позже.

— Слушаюсь, мой фюрер, — с готовностью отвечал штурмбаннфюрер СС Линге, забирая заявление, понимая, что вряд ли когда-нибудь оно будет подписано Гитлером. Фюрер редко подписывал какое-то прошение на брак сразу, чаще просил принести ему позже, но когда дело касалось солдат СС, то здесь он оставался особенно требовательным. Внешность девушки никак не вписывалась в эталон немецкой матери, слишком широкими были скулы, она больше походила на сербку.

Рейхсканцлер взял следующее прошение, к которому была прикреплена фотография бравого оберфельдфебеля в полевой форме с Железным крестом 2-го класса, выдаваемого за храбрость на поле боя, и с нагрудным знаком «За ранение».

— Линге, посмотрите на лицо этого парня. У него лицо настоящего арийца. Такие солдаты очень нравятся женщинам.

— Ему бы служить в войсках СС, — охотно согласился штурмбаннфюрер.

— Но такие парни нужны и в вермахте. Именно на таких героях, как он, держится вся наша армия. Кого же он выбрал? — пролистал Адольф Гитлер несколько страниц. Отыскав фотографии, он взял ту, на которой невеста была запечатлена в профиль. Поджав губы, фюрер некоторое время с интересом рассматривал изображение девушки, а потом вдруг спросил: — Линге, а вам не кажется, что у нее очень длинный нос? Точно такой нос у жены Отто Дитриха.

— Женщины бывают разными, мой фюрер, — дипломатично заметил Линге, зная, что Гитлер слегка недолюбливал жену государственного секретаря в министерстве пропаганды: уж слишком она была молчалива и одевалась весьма старомодно. Перед обедом Гитлер имел привычку избирать на время трапезы среди присутствующих женщин себе даму, что было весьма почетно. Он сажал ее по правую сторону от себя, по левую руку неизменно размещалась Ева. Фрау Дитрих удостаивалась этой чести весьма редко.

— Кто же она по национальности? Бельгийка! — едва ли не поморщился фюрер. — Когда я смотрю на фотографии избранных моих солдат, то у меня невольно возникают мысли, что парни были очень пьяны, когда предлагали девушкам руку и сердце. Мне невольно приходит на ум такая мысль, что как только они разом протрезвеют, то будут проклинать меня за то, что я дал им разрешение на этот брак. А какова же она бу-

дет в полный рост? — взял Гитлер другую фотографию. В модном, слегка приталенном ниже колен платье девушка смотрелась совершенно иначе. В ней просматривался какой-то шарм. А светлая шляпка, надвинутая слегка на высокий лоб, выдавала в ней природное кокетство. Теперь было понятно, что она не так дурна собой, как могло показаться поначалу. — Хотя с другой стороны, я вижу в глазах этого героя решимость. Уверен, что он из тех парней, что, встретив свою девушку, остаются с ней до конца дней. Надеюсь, что он нашел в ней качества, которые искал. Я подпишу это прошение — и Гитлер размашисто написал: «*Разрешаю. Адольф Гитлер*». — Если у него родятся такие же бесстрашные сыновья, как и он сам, мы совершим благое дело и Третьему рейху не стоит опасаться своих недругов. А теперь, Линге, давайте отложим все прошения до следующего раза. Мне нужно подготовиться к совещанию с генералитетом.

ГЛАВА 2

*Январь 1945 года.
Секретные послания*

Военная кампания в Арденнах принимала критический характер. В середине декабря 1944 года началось наступление немецких группировок в районе Эйфеля. Израненный, истекающий кровью немецкий зверь ожил и, подняв-

шись во весь рост, с устрашающим рыком мощных танков двинулся на американо-британский фронт. Секретная немецкая операция «Гриф», на которую Гитлер возлагал большие надежды, началась. Целью операции являлся разгром союзных войск в Бельгии и Голландии.

Немецкие армии под командованием Дитриха¹ и Мантейфеля² без труда прорвали линию обороны между городами Льежем и Динаном, танковые армады пробились к реке Маас, а далее встретили хорошо организованное сопротивление. Немцы продолжали наступать, и прорыв обороны был всего лишь вопросом времени, — далее остатки разбитых американских и британских частей просто сметут в море.

Командующие объединенными войсками докладывали, что в тылах американо-британских войск находятся шпионы, прекрасно говорящие на английском и распространяющие слухи об убийстве Верховного главнокомандующего войсками союзников Эйзенхауэра³. Ввиду нарастающего замешательства Дуайту Дэвиду Эйзенхауэру пришлось выступить по радио с обращением к своим

¹ Йозеф Дитрих — генерал-полковник войск СС, командующий 5-й, позднее 6-й танковой армией СС.

² Хассофон Мантейфель, генерал танковых войск, командир танково-гренадерской дивизии «Великая Германия».

³ Верховный главнокомандующий экспедиционными силами.

солдатам, чтобы не поддавались на провокации и были верны своему воинскому долгу. Тем не менее умелые действия диверсантов были весьма эффективны — они успешно вносили сумятицу и неразбериху: меняли регулировщиков на постах, указывали ложные направления движения войск, взрывали железнодорожные пути, захватывали склады с боеприпасами и продовольствием; уничтожали таблички, предупреждающие о наличии на дорогах и в полях мин; закладывали на шоссе фугасы. За диверсантами острым клином двигались танковые немецкие колонны, буквально сметающие на своем пути всякое сопротивление.

Находясь в штабе, генерал армии Эйзенхауэр едва ли не ежечасно получал сообщения о новых диверсиях, спланированных воспитанниками Отто Скорцени¹. В отношении шпионов и диверсантов требовались самые решительные мероприятия. Значительная часть армии была деморализована. За следующим отступлением последует полнейший разгром, следовало врыться в землю и перейти к обороне. Если все-таки остановить немцев не удастся, то требовалось организовать планомерный отход на заранее подготовленные позиции, за которые можно будет основательно зацепиться. Но это будет возможно только в том случае, если удастся вы-

¹ Оберштурмбаннфюрер. По поручению Гитлера назначен ответственным за операцию «Гриф».

явить диверсантов, внедрившихся в союзные войска.

Вызвав в штаб начальника контрразведки, Эйзенхауэр выслушал его подробный доклад о подрывных действиях немецких диверсантов. Из него следовало, что диверсантами уже нанесен значительный ущерб, от которого американо-британские войска могут оправиться не ранее чем через десять дней. И если их деятельность будет проходить в неослабевающем режиме и далее, то ситуация может катастрофически усугубиться для всего фронта.

— Примите самые активные меры для выявления шпионов, — потребовал генерал армии Эйзенхауэр. — Считайте, что в вашем личном распоряжении тысячи простых солдат. Обратитесь за помощью к ним. Вы говорите, что все немецкие диверсанты неплохо говорят по-английски? — в задумчивости переспросил командующий объединенными войсками.

— Да. Несколько дней назад нами была захвачена группа диверсантов, практически все они говорили без акцента.

— Как бы они хорошо ни говорили по-английски, но они всего лишь немцы, а значит, и думают по-немецки. И они не знают Америку так, как знаем ее мы. Этим обстоятельством нужно воспользоваться. Сегодня же я отдам распоряжение командирам подразделений, что они имеют право задерживать каждого подозритель-

ного военнослужащего независимо от его звания, если он не знает того, что известно всякому американцу.

— Даже если это будет генерал? — улыбнулся начальник военной контрразведки.

— Даже если это будет генерал. Ничего страшного не произойдет, потом можно будет извиниться. Главное, чтобы не пропустили шпиона. Единственное, кого мы не можем подозревать, так это негров. Вряд ли нацисты имеют в своих войсках чернокожих. Выявлять шпиона можно самыми простыми вопросами, которые известны любому американцу. Например, сколько президентов было в США. Где и когда был убит Авраам Линкольн. Кто такая Бетти Грейбл¹ и кто ее муж? Думаю, мне не нужно вас учить, какие вопросы следует задавать шпионам, да и солдаты у нас очень изобретательны. Уверен, что они найдут вопросы, которые известны каждому американцу, но могут быть неизвестны шпиону. Вам все понятно?

— Так точно.

— Тогда выполняйте.

Оставшись в одиночестве, Эйзенхауэр сел за письменный стол. Извлек из папки чистый лист бумаги, достал самопишущую ручку и принялся составлять шифровку.

¹ Американская актриса, танцовщица и певица. Муж Бетти Грейбл — Гарри Джеймс, американский трубач и дирижер популярного биг-бенда.

«Господин премьер-министр.

В настоящее время наши войска испытывают большие трудности. Наша линия обороны между Льежем и Динаном прогибается под натиском танковых армий Дитриха и Мантейфеля. Наши доблестные солдаты делают все возможное, чтобы немцы не сумели прорвать фронт. Но с каждым днем удержать их становится все труднее, они превосходят наши соединения как по численности, так и по вооружению. Особенно тяжелые бои завязались у реки Маас. Господин премьер-министр, мы просим Вашего содействия, чтобы Вы попросили маршала Сталина начать военную операцию на Восточном фронте, чтобы оттянуть часть немецких войск с Западного фронта и тем самым облегчить положение наших солдат, а быть может, спасти нас от поражения. Хотелось бы получить помощь в ближайшие дни, чтобы окончательно не усугубилась ситуация, из которой отыскать выход будет крайне сложно.

Надеюсь на Ваше понимание, Верховный главнокомандующий экспедиционными силами генерал армии Эйзенхауэр».

Перечитав написанное, генерал не стал ничего исправлять и позвал секретаря; когда тот незамедлительно явился, приказал:

— Вот что, Марк, отнеси это письмо в шифровальный отдел. И как зашифруют, пусть срочно отправят его премьер-министру Черчиллю.

Подземный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилля располагался под зданием казначейства, неподалеку от Вестминстера и рядом со зданием парламента. Уходящий под землю всего-то на пятнадцать метров и присыпанный полутораметровым кирпичным слоем, он вряд ли выдержит прямое попадание тяжелой фугасной бомбы. Однако подобное обстоятельство мало пугало мозговой военный центр Британии. Военное ведомство вполне серьезно считало, что они защищены в достаточной мере, — в районе, с соблюдением законов маскировки, были густо понатыканы зенитки, стоявшие в аккуратных квадратных ямах, а вокруг здания казначейства в два пояса несла службу охрана. В подземный бункер вела неприметная дверь, подле которой нес службу усиленный караул.

Большую часть времени Черчилль проводил именно в бункере, в своем личном кабинете, называя его «военным», но на ночь всегда возвращался в свой дом на Даунинг-стрит. Укоренившуюся привычку ночевать дома не отбила даже немецкая авиабомба, расколовшая в щебень просторную кухню. Фаталист по природе, свято веривший в судьбу и отличавшийся редким личным мужеством, Уинстон Черчилль справедливо полагал: «Чему быть, того не миновать». Возможно, к его закоренелой привычке

примешивался еще один фактор — домашний уют, к которому он всегда стремился, где бы ни находился волею судеб.

Об этой странности ночевать исключительно дома был осведомлен весь военный штаб, однако распространяться о решении премьер-министра было не принято в целях его безопасности. Никто не исключал вероятности, что службы немецкой военной разведки могли осуществить против него теракт, а потому даже дорога до дома из бункера и обратно осуществлялась разными путями, чтобы минимизировать возможный риск.

Сам бункер был довольно значительным сооружением, растянувшимся на полтора километра, он имел сто пятьдесят довольно просторных комнат. В нем работал штат почти из трехсот сотрудников. Обстановка в комнатах была аскетичная, имелось лишь самое необходимое, включая ночные горшки под кроватями. По личному распоряжению Черчилля пища в бункере была скудной. Каждый из служащих должен помнить, что страна терпит лишения, а потому не самое подходящее время баловать желудок изысками, к каковым, возможно, привыкли в мирное время.

Уинстон Черчилль по обыкновению проснулся в половине девятого. Через плотно заштопанные занавески пробивалась блеклая полоска света, погода явно не ладилась. Не поднимаясь с постели, он нашупал на тумбочке коробку с кубинскими сигарами и вытащил одну. Черчилль

никогда не прикуривал сигары от зажигалки или от свечи, и вовсе не потому, что считал это дурным тоном, все дело было в практике, а он опирался на собственный опыт заядлого курильщика и прекрасно понимал, что тем самым может испортить истинный вкус табака. Кубинские сигары впитывают в себя малейшие запахи, чего допустить премьер-министр никак не мог.

Взяв лежащие здесь же спички, он чиркнул о коробок, поднял кончик сигары к крохотному пламени и, слегка поворачивая ее, поджигал табак со всех сторон. Слегка приподнял сигару над пламенем и вдохнул в себя горьковатый крепкий дым, продолжая слегка подкручивать. И когда ободок замерцал крохотными искорками, слегка подул на них, раздувая.

Набрав в полость рта дым, Уинстон Черчилль подержал его несколько секунд, ощущая его тепло, после чего выдохнул узкую упругую струйку. Достаточно надышавшись дымом, Черчилль наконец сделал первую затяжку, которая, слегка обжигая легкие, добралась до самого нутра. Только после нее он почувствовал, что понемногу пробуждается. Дальше будет еще лучше. На выкуривание сигары уходит приблизительно сорок пять минут. На сороковой минуте он полностью сбросит с себя остатки сна и будет готов включиться в текущие государственные дела. А сейчас самое время насладиться табаком, без терпкого сигарного дыма утро потеряет большую

часть своего очарования. Самое главное, что сейчас не нужно никуда спешить, сигара не терпит суеты, требует к себе вдумчивого отношения, чтобы неторопливыми небольшими вдохами в полной мере даже в это военное время полнее ощутить вкус табака, а значит, почувствовать жизнь. Клементина, его благоверная, предпочла переночевать в бункере, так что Уинстон Черчилль чувствовал себя полноправным хозяином.

Неожиданно в дверь спальни комнаты негромко постучали. Ранние визиты премьер-министр не приветствовал. Особенно они были тягостны, когда он оставался наедине с сигарой. Об этой его привычке знали и окружающие, но, видно, дело действительно было настолько неотложным, что адъютанты не имели возможности поступить как-то иначе.

— Входите, — буркнул невесело Уинстон Черчилль, вытащив изо рта сигару.

С виноватым видом вошел младший секретарь, сдержанно поздоровавшись, сообщил:

— В оперативный отдел от генерала армии Эйзенхауэра на ваше имя поступило сообщение. Согласно вашим указаниям относительно срочных оперативных данных, поступающих с фронта, письмо было передано в шифровальный отдел и расшифровано.

— Когда пришло сообщение?

— Ночью.

— Почему вы мне его не передали?

— Не хотели вас будить, — безмятежно сообщил младший секретарь.

— Давайте его сюда, черт побери! — невольно выругался премьер-министр. — Ночь уже прошла.

Младший секретарь протянул Уинстону Черчиллю шифровку, запечатанную в конверте.

Нервно надорвав край, премьер-министр вытащил из конверта сообщение и перечитал его дважды. Разумеется, он имел представление, что на Арденнах не все так просто, что в тылах союзных войск работают немецкие диверсанты. Но какую-то неделю назад Главнокомандующий объединенными вооруженными силами союзников генерал армии Эйзенхауэр заверил, что они сумеют противостоять наступлению немцев, а оказывается, что все обстоит совершенно иначе и соединения находятся на грани краха. Генерал Эйзенхауэр не из тех людей, что смотрят на происходящее исключительно в черном свете, за свою военную карьеру он повидал всякого, бывал во многих переделках, но если даже он попросил о помощи, то значит, дела действительно весьма серьезные.

Неделю назад премьер-министр Черчилль проводил заседание кабинета министров. Решались текущие хозяйственные дела, требующие немедленного вмешательства. Обсуждалась военная ситуация на Западном фронте. Обратили внимание и на то, что хлеб стал хуже и требовалось повысить его качество. Ввели ограничение

на мясо, теперь гражданин мог купить мясо не более чем на один шиллинг в неделю. Было решено не ограничивать в приобретении овощей и фруктов, а также рыбы. Правительство вынуждено было принять решение о переходе на карточную систему, и вот теперь ограничения коснулись даже ресторанов: из трех различных блюд только в одном из них могла быть рыба или мясо.

Вводились ограничения на одежду, мыло, средства для бритья и даже на бытовые приборы. Наряду с общими вопросами обсуждали положение войсковой операции в Европе. Было отмечено, что авиация союзников наносит эффективные удары по наступающим немецким войскам, удачно бомбит их тылы, склады с оружием и продовольствием. В последнюю неделю уничтожен целый эшелон с топливом, и немецкие соединения ощущают острую нехватку горючего. Наступление немцев было остановлено — им не удалось захватить мосты через Маас, а третья американская армия нанесла контрудар в направлении города Бастонь.

И вот теперь выясняется, что немецкие танковые войска вновь перешли в наступление, но на этот раз в Эльзасе. Оставалось лишь удивляться, откуда у них берутся силы для полномасштабных контратак. А еще около тысячи немецких самолетов нанесли неожиданный удар по аэродромам Бельгии, Франции и Голландии. Ущерб от

такого авианалета составил сотни уничтоженных самолетов, большая часть из которых находилась на аэродромах, а кроме того, значительно повреждены взлетно-посадочные полосы.

Уинстону Черчиллю было доложено, что генерал армии Эйзенхауэр с присущей ему прямо-той предлагал фельдмаршалу Монтгомери¹ контратаковать немцев, но тот убеждал, что следует повременить — слишком велики риски.

Три союзные дивизии были переброшены в качестве усиления и заняли значительные участки вдоль реки южнее Намюра. Немцы не стали прорываться через укрепленное побережье Мааса и сильным танковым кулаком обрушились на Бастонь.

Внимательно перечитав сообщение, премьер-министр задумался. Немецкое наступление забуксовало, их войска так и не сумели преодолеть реку, зацепив острием наступления город Динан, находившийся всего-то в шести километрах от Мааса. Вторая немецкая танковая дивизия, находившаяся в авангарде, была окружена второй американской и одиннадцатой британской танковыми дивизиями. Но ситуация может в корне поменяться, если немецким соединениям будет доставлено продовольствие и топливо.

¹ Сэр Бернارد Лоу Монтгомери — британский фельдмаршал, главнокомандующий сухопутными войсками союзников в Европе.

Становилось очевидно, что союзным войскам с немецкими танковыми армиями не справиться, требуется помощь извне, а именно серьезное наступление русских на Восточном фронте, чтобы Гитлер, спасаясь от окончательного поражения, перебросил часть своих дивизий на восток.

Перед самым форсированием десантными силами пролива Ла-Манш и высадки их в июле 1944 года в Нормандии премьер-министр Черчилль имел с Эйзенхауэром обстоятельный разговор, который сводился к следующему: в случае крайней необходимости или какого-то недопонимания с командующими британской армией он может обращаться к нему напрямую.

Добродушно улыбнувшись, Уинстон Черчилль с присущим ему юмором добавил:

— Все-таки вы станете воевать в Европе, так что в какой-то степени вы будете нашим гостем, а к гостям у нас особое отношение.

Поддержав шутку премьер-министра, генерал Эйзенхауэр отвечал:

— Мне очень по душе эта добрая старинная английская традиция.

Сложно было понять, какие мысли скрывала добродушная улыбка бравого генерала.

Сигара была докурена Черчиллем почти до половины, а решение так и не было принято. Дым в этот раз показался горьковатым, удовольствия от табака он не получил. Затушив сигару, премьер-министр положил ее на край пепельницы и стал

неторопливо одеваться. О непрестом положении, сложившемся на фронте, он может переговорить по трансатлантической телефонной связи с Рузвельтом, а также с командующими американской и британо-канадской групп армий.

Осмотревшись по сторонам, Черчилль не отыскал ботинок.

— Черт бы их побрал! — невольно выругался премьер-министр. — Подойдет сюда кто-нибудь ко мне или нет?

За стеной в небольшой комнатухе трудились трое его личных секретарей: Эрик Сил, Энтони Бевер и Эдвард Блейк; в соседней комнате им помогали два младших секретаря, которые мало были знакомы со стилем работы Уинстона Черчилля, и им еще предстояло узнать, что премьер не делает особой разницы между деловым и личным комнатным пространством. Принимать доклады высших чинов и давать солидному журналу интервью в домашнем жилете для него было обычным делом. И в его обычном бормотании, невзвешанном к кому обращенном, следовало различать глубокий смысл и четко отданные приказания.

Через минуту в спальную комнату вошел главный личный секретарь премьер-министра Эрик Сил. В противоположность склонному к полноте Уинстону Черчиллю он был суховатым, поджарым и очень подвижным. На высушенном лице британская безмятежность. Его вообще трудно было вывести из равновесия. Аскетичный, ску-

пой на эмоции, он не был подвержен тревогам. Вся его высушенная фигура являлась воплощением непоколебимости Британской империи.

— Вы что-то хотели, господин премьер-министр?

— Черт возьми! Куда запропастились мои ботинки? Они стояли вот на этом самом месте, — рассерженно ткнул он пальцем себе под ноги. — Прикажете ходить мне по дому босым?

— Но они были не совсем чистые, господин премьер-министр, и младший личный секретарь Джон Пек по моему распоряжению сейчас приводит их в надлежащий вид.

— Они были чисты, как помыслы монашки! — возразил раздраженно Уинстон Черчилль.

— На них была свежая грязь, я видел ее собственными глазами, — уверенно возразил главный личный секретарь.

Обычно Эрик Сил не перечил Черчиллю, но в какие-то минуты на него просто-таки накатывал дух противоречия. В такие минуты Черчиллю хотелось задать ему должную трепку, но никогда он не думал о том, чтобы расчитать его. Более преданного ему человека невозможно было отыскать даже во всем Британском королевстве. А потом, где он может отыскать столь толкового личного секретаря?

Своей непроницаемостью он чем-то напоминал ему собственную женушку. На Клементину тоже совершенно не действовало его природное

обаяние. Если не знать того, что Клементина Огилви Спенсер и Эрик Сил из разных социальных слоев, то можно было бы предположить, что они единокровные брат и сестра, родившиеся где-то на стылой льдине в Арктике.

Расценив хмурость Черчилля по-своему, Эрик добавил:

— Если быть точнее, то на них было два больших грязных пятна. Одно на носке правого ботинка, а у левого был перепачкан задник. Очень даже удивительно, что вы не испачкали свои брюки.

— Они у меня короткие, — ответил премьер-министр в своей привычной манере. Трудно было понять: говорил он искренне или все-таки пошутил.

Напрягшись, Уинстон Черчилль вспомнил, что, выбираясь из автомобиля, действительно наступил на грязную лужу перед самым порогом дома. Неделю назад это была большая яма — результат немецкой массивированной бомбардировки. Воронку забросали щебнем, засыпали песком, затем заасфальтировали, что не мешало небольшой впадине всякий раз собирать воду и какую-то грязь. И перепачканные ботинки — это не самая страшная потеря — пару дней назад он оступился прямо у самой воронки в центре Лондона, и, если бы не дружеская поддержка личного секретаря, так он скатился бы в ее глубокое дно.

Почему он должен думать о каких-то перепачканных задниках, когда решается судьба целого фронта? Едва удерживая в себе раздражение, премьер-министр лишь только глубоко вздохнул.

— Хорошо. Пусть принесут мне мои любимые ботинки. Я не намерен больше ждать.

— Джон, у вас все готово? — выглянул главный личный секретарь через приоткрытую дверь.

— Да, сэр, — с поспешностью отозвался молодой голос.

Через несколько секунд в комнату вошел смазливый молодой брюнет с идеально зачесанными назад волосами.

Уинстон Черчилль настороженно относился к таким красавцам. Было в них что-то противоестественное: костюмы всегда отглаженные, на лацканах не встретишь и пятнышка, а ботинки так сверкали, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

— Вот, господин премьер-министр, — поставил Джон Пек на пол перед Уинстоном Черчиллем идеально начищенные ботинки.

— Можешь быть свободным, — невесело буркнул Черчилль. Утро сегодня явно не задалось. — Похоже, мокрый снег сегодня будет.

Главный личный секретарь в который уже раз убедился в том, что бормотание хозяина всегда преисполнено величайшего смысла, а это означало: чего их чистить, если через полчаса я их все равно испачкаю.

Вдев короткие руки в рукава поданного сюртука и нацепив на толстую шею старомодный черный в крапинку галстук-бабочку, который он носил в память об отце, Уинстон Черчилль взял с полки шляпу и превратился в Бульдога-победителя, каковым знала его вся Британия.

— Позвоните Гастингу и скажите, чтобы собрал на оперативный совет начальников штабов. Нужно обсудить кое-что серьезное.

В холле, расположившись в мягком удобном кожаном кресле, премьер-министра ожидал лейтенант-командор Томсон. Увидев вышедшего Уинстона Черчилля, он почтительно поднялся и шагнул навстречу.

— Автомобиль у подъезда, господин премьер-министр, — распахнул дверь адъютант.

— Надеюсь, что доедем быстро, — шагнул Уинстон Черчилль в открытую дверь.

Ночью Лондон бомбила немецкая авиация. Среди них были «Арадо Аг 234 Блиц», немецкие реактивные бомбардировщики, прозванные за свою скорость молниями. Проезжая до бомбоубежища, Черчилль насчитал четыре разрушенных здания, подле которых солдаты уже растаскивали завалы: в одну сторону то небольшое, что осталось после налета, а в другую в аккуратные стопки укладывали уцелевшие кирпичи.

Уинстон Черчилль прошел в подземный бункер через невыразительную неприметную дверь рядом со зданием казначейства и по узенькой

лестнице спустился на тринадцатиметровую глубину, где размещался его кабинет. Он не любил бункер, казавшийся ему излишне влажным и тесным, но работалось здесь хорошо, имелась даже трансатлантическая связь для разговора с Рузвельтом. В кабинете было все так, как он и оставил: на столе с правой стороны лежали кипы документов, требующих срочного решения (Уинстон Черчилль помечал их красными наклейками: «*Сделать сегодня*»); с левой стороны такая же значительная папка, где на наклейках было написано: «*Сделать после главных*».

Но даже сейчас нашлись дела, которые следовало выполнить прежде всего. Первое, что нужно сделать, — позвонить президенту Рузвельту. Подняв телефонную трубку, Черчилль потребовал:

— Соедините меня с Рузвельтом... Добрый день, Франклин.

— Здравствуй, Уинстон.

— Сегодня я получил сообщение от генерала армии Эйзенхауэра. Наши дела в Арденнах не столь победоносны, как это рисует наша пропаганда. Войска испытывают значительные трудности, немцы полны решимости пересечь Маас.

— Но мне докладывают, что немцы остановлены и им вряд ли удастся дойти до Мааса. А их вторая танковая дивизия окружена нашими танковыми соединениями.

— Не буду с тобой спорить, Франклин, все так. Только эти танковые дивизии не очень-то

стремятся вырваться из окружения. У них большой опыт в таких делах, это мы видим по борьбе с Советами. Мне известно, что в настоящее время они испытывают трудности с топливом, как только проблема будет решена, они двинутся через Маас. Это может только показаться, что немцы в ловушке и обречены, но они всегда находят силы, чтобы атаковать.

— А как же Сталинград? Там была окружена целая армия.

— В Сталинграде им крупно не повезло, с одного края их прикрывали румыны, которые просто не выдержали атаки русских и сдались. Но не забывай, что очень длительное время немцы обеспечивали свою армию по воздуху. Но немцы очень быстро учатся и уже сделали вывод из своего поражения под Сталинградом и сейчас весьма успешно выбираются из окружений на Восточном фронте. А уж от наших солдат, которые не имеют такого громадного боевого опыта, как немцы, уйти им будет еще проще. Нам нужно сорвать их замыслы.

— И каким образом? Что ты предлагаешь?

— Попросим Дядюшку Джо, чтобы он начал наступление где-нибудь на востоке: скажем, в Пруссии или на Висле. Я напишу ему письмо и объясню ему нашу общую позицию.

— Конечно, было бы здорово облегчить участь наших парней. Им сейчас действительно очень несладко. Я с ним тоже поговорю... Сообщишь мне, что он тебе ответит.

Положив трубку, премьер-министр Уинстон Черчилль некоторое время думал над содержанием письма. Свет от настольной лампы освещал разложенные на столе бумаги. Повернув ручку приемника, стоящего на столе, он некоторое время слушал мюзикл с Верой Линн¹ в главной роли, а потом решительно выключил радио. Не самое подходящее время, чтобы предаваться меланхолии. Разгладив полноватой ладонью уголок листа, принялся писать:

«Личное и строго секретное послание
от г-на Черчилля маршалу Сталину

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях...

Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь

¹ Английская певица и актриса, дама ордена Британской империи, имевшая огромную популярность в годы Второй мировой войны.

в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука¹ и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

6 января 1945 года»².

Закончив писать сообщение, Черчилль вызвал к себе личного адъютанта и распорядился:

— Вот что, Томми... Отнеси это письмо в шифровальный отдел. Пусть немедленно отправят его Сталину.

— Слушаюсь, господин премьер-министр, — отвечал офицер и быстрым шагом направился к двери.

Все шифротелеграммы, отправленные Уинстоном Черчиллем, направлялись через посольство — наиболее быстрый и надежный путь передачи информации. После расшифровки сообщения оно передавалось Иосифу Сталину посылным. В случае особой важности шифротелеграмма могла быть передана британским послом Арчибальдом Кларком Керром³.

¹ Выдающийся британский военачальник, фельдмаршал, барон, виконт.

² Достоверный документ.

³ Британский дипломат. В 1942—1946 годах посол Великобритании в СССР.